

В.К. Шабельников

ПРЕДМЕТНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕГО МИРА В КОНЦЕПЦИЯХ ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается логика анализа детерминации психики в психологических концепциях. Анализ источников возникновения психики приводит психологию к необходимости презентации субъекта, детерминирующего психику. Субъектность человека приобретает им либо из субъектных качеств детерминирующей его природы, либо из природы, лишенной качеств субъектности. В истории развития субъектности у людей проявилось стремление лишать окружающий мир качеств его субъектности. Это давало возможность представлять людей исключительными субъектами, окруженными лишь предметами. В религии детерминирующий субъект вынесен за пределы возможностей познания его людьми, а в материализме субъектность мира отрицается вовсе. Так психология теряет право выводить субъектность человека из субъектности окружающего мира, что лишает психологию возможности конкретно изучать важнейшую психологическую проблему – происхождение субъектности человека.

Ключевые слова: детерминация психики, субъектность человека, субъектность природы, локализация субъектности, концепция психологии.

1. Проблема детерминации психики в психологических концепциях

Современная российская психология не может не считать себя наследницей советской психологии, плодотворность которой во многих отраслях не вызывает сомнения. Но от советской психологии нас отделяют не только потеря идеологических ориентиров и рамок, в которых формировались теории советской психологии, но и годы хаотических метаний постсоветской психологии, пытавшейся либо определить себя в русле зарубежных школ и направлений, либо использовать эклектическое смешение житейской мудрости с популярными терминами и методиками для решения частных задач.

Реальное положение современной российской психологии достаточно сложно, и анализ этого положения с

учетом логики развития науки ставит вопросы, для ответа на которые требуется определенное мужество. У нас есть возможность взглянуть на общую логику развития психологии в предшествующие эпохи, включая психологические школы XX столетия. И в этой логике непростых и порой жестоких закономерностей можно осмыслить перспективы развития психологии в современной России.

Предмет, методы и задачи психологии – это не абстрактные проблемы, вызывающие интерес лишь у теоретиков и методологов. Усилия теоретиков определить психологию через ее предмет есть дань материалистической концепции, согласно которой природа и сущность деятельности видится именно в предмете, с которым по ходу этой деятельности приходится иметь дело. Но ни предмет, ни методы психологии не

являются стабильным ее основанием, хотя бы потому, что на протяжении своего развития психология не раз их пересматривала, сохраняя при этом не только свое название, но и ощущение своей целостности.

Вплоть до XVII столетия основным предметом психологии была *душа*. В концепциях первого периода психологии душа понималась как источник (или посредник) возникновения и развития не только психики, но и всех жизненных функций организма. Мыслителям важно было понять *не строение* психических процессов человека, а *причины* того, что происходит с людьми, осмыслить природу человеческой энергии и субъектности. В этот донаучный период развития психологии уже были сформулированы основные представления о душе как о логике детерминации психического мира человека.

По мере закрепления некоторых представлений о душе в качестве религиозных и идеологических доктрин, попытки заново осмыслить природу психического мира человека и предложить какие-то новые взгляды на его происхождение стали преследоваться как еретические. Психология как культура авторского конструирования концепций о природе психики на многие столетия стала запрещенной деятельностью.

Лишь на волне кризиса западно-европейской религиозной идеологии в XIII–XVII вв. появилась возможность строить новые представления о мире, выходящие за рамки религиозных концепций. Такое право отвоевала себе наука, опираясь на неоспоримую наглядность тех или иных фактов, фиксируемых с помощью измерений и прогнозируемых на основе строгих математических формул. Потеряв право свободного конструирования новых концепций о душе и природе субъектности в

философско-религиозной сфере, психология увидела возможность освобождения мышления от жесткого контроля со стороны теологии именно через представление себя в качестве науки.

Но наука имела право изучать лишь то, что можно *наблюдать* в виде локальных объектов и *измерять* наглядными мерами. Все вопросы, касающиеся происхождения психики, оставались прерогативой религии. Душа либо считалась непостижимой реальностью, либо вообще отрицалась как реальность в зависимости от философских и религиозных взглядов ученого. Поэтому психология XVII–XIX вв. (Дж. Локк, Д. Гартли и др.) в своей ориентации на принципы научного исследования отказалась от понимания души. Психологи стали исследовать в качестве предмета психологии *явления сознания* индивидов.

Отказ от попыток понимания души был, по сути, отказом от понимания логики детерминации психической жизни человека. Научная психология сосредоточилась лишь на описании строения психических образов. Объяснение же детерминации и психики и вообще всей мировой реальности оставалось прерогативой религии вплоть до XIX в.

Не имея возможности производить научное наблюдение и измерение не только души, но и психических процессов, психология строила свои концепции по принципу аналогии, ориентируясь на теории других наук. В XVII–XVIII вв. образцом для науки была механика. Физическая механика опиралась на строгие математические расчеты и строила концепции, не подчиненные религиозному контролю. Механика стала теоретическим идеалом и для психологии. Поэтому сознание было представлено в виде автономных образов и безличностных процессов ассоциаций этих образов.

Удержать явления сознания в качестве предмета психологии удалось лишь чуть более двухсот лет. Как и душа, явления сознания тоже оказались предметом, не доступным строгому научному исследованию. Ни измерить, ни выявить математически строгие законы их взаимодействия не удалось никому. Кризис психологии конца XIX и начала XX вв. остро переживался психологами как разочарование в предмете, в методе и в самой научности психологии.

XX век породил еще большее разнообразие толкований предмета психологии. В качестве предмета в разных школах психологии выдвигались то «поведение», то «деятельность», то «бессознательное», то «установка», то «ориентировка». Странно было бы во всех этих случаях рассуждать о единстве психологии, если бы ее основанием действительно был бы ее предмет. Разнообразие толкований предмета должно было бы привести либо к рождению автономных наук, либо к распаду и угасанию психологии как целостной деятельности. Но, к счастью, для психологии этого не произошло.

XX век стал веком не только попыток заново осмыслить предмет психологии, но и рождения принципиально новых концепций, выведших психологию за рамки ее прежних представлений. Важным событием стало возвращение психологии к проблеме *детерминации психики*, что выразилось в появлении школ *генетической психологии* (З. Фрейд, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и др.).

Возвращение к проблеме генезиса и детерминации психики и личности после трех столетий избегания этой проблемы было, по сути, возвращением к проблеме *души*, т.е. к проблеме, от которой психологии пришлось отказаться ради научности, ради права строить свои концепции вне контроля со стороны

теологии. Теперь психология вновь стала строить представления о происхождении психики, но при этом старалась избегать сопоставления своих теорий с прежними представлениями о душе.

Анализ психологических теорий, объясняющих логику формирования человека, неизбежно приводит к вопросу о трактовке сил, детерминирующих это формирование. В современной российской психологии делается немало попыток соотнести идеи психологии с психологическими концепциями православия. При этом вне обсуждения обычно остаются не только противоречия и несогласования в трактовках происхождения психики, но даже и возможные сходные представления психологии и православия относительно этих вопросов. Хотя мы не можем не учитывать того, что основные концепции психологии XX–XXI столетия возникли в результате реформирования западно-европейских религиозно-психологических идей, активно проходившего начиная с XIII столетия.

Удивительно ли, что представители церкви позволяют себе толковать логику детерминации человеческой жизни и правила взаимодействия людей с детерминирующими их силами без обращения к измерениям, к математическим законам и прочим способам подтверждения истинности своих рассуждений? Это право завоевывалось церковью в долгой борьбе за признание тех или иных представлений, за утверждение этих представлений в качестве незыблемых и священных догм. Это право завоевано столетиями религиозных войн. Однако, излагая ту или иную трактовку души, священник все же не имеет права строить собственные концепции и произвольно пересматривать уже утвержденное и незыблемое. В религии произвольность трактовок в области

невидимых детерминирующих процессов опасна.

Такую же опасность, по сути, признает и наука, требуя подтверждения каждой выдвигаемой концепции путем фактов, замеров и экспериментов. Но как же удалось З. Фрейду, Ж. Пиаже, Л.С. Выготскому, А.Н. Леонтьеву, К.Г. Юнгу и другим психологам перейти к рассуждениям о никем не видимых и не измеренных источниках детерминации психики?

Возможность психологии выбраться из прокрустова ложа научных измерений и начать излагать концепции, трактующие невидимые процессы, детерминирующие развитие психики, была обеспечена принадлежностью генетических школ психологии к неким потокам культуры, завоевавшим себе право осмыслять логику генезиса человека за пределами религии.

В XIX в. ориентация психологии на механику уже вызывала чувство неудовлетворенности. Начался поиск теоретических образцов в достижениях других наук. И. Герbart искал возможности новых психологических представлений в электростатике и электродинамике. Д.С. Милль увидел возможность построения новых психологических идей в ориентации на химию. Но ни химия, ни физика XIX в. не вышли на проблемы эволюции изучаемых ими систем и не пытались осмыслить логику их возникновения.

Шаг к проблемам эволюции сделала в XIX в. биология. Биология раньше психологии вторглась в область детерминации и генезиса жизни, выдвинув концепции, отличавшиеся от принятой библейской картины возникновения видов и организмов. Биология завоевала такое право, отстояв допустимость эволюционных теорий Ж.Б. Ламарка и Ч. Дарвина. Логика развития биологических видов и самого человека предста-

ла в картинах, явно противоречивших библейским текстам.

В психологии одним из первых возмутителей научной традиции стал вторгаться в сферу детерминации стал З. Фрейд, концепция которого многим показалась не только не научной, но и абсурдной. После столетий борьбы за идеалы прогресса, управляемого сознанием человека, после утверждения человека в роли субъекта и творца истории в психологию пришел образ темных и бессознательных сил, управляющих людьми помимо их воли и сознания. Вместо принятого научного объяснения психических феноменов процессами мозга, З. Фрейд стал объяснять психику генезисом ее развития, забытыми событиями детства, подавлением и вытеснением неосознаваемых влечений. Причем идеи З. Фрейда, не соответствовавшие ни одной из научных психологических теорий того времени, обрушивались на западное сознание без экспериментальных подтверждений и строгих измерений.

Сегодня при всей хрестоматийной известности этих событий стоит все же поставить вопрос: как это стало возможно? Каким путем смогла получить распространение столь еретическая во всех смыслах концепция?

С обвинениями в ненаучности своей концепции З. Фрейд соглашался, не опасаясь быть отвергнутым обществом или даже быть заключенным в психиатрическую лечебницу. Годы успешной работы в клинике, поддержка со стороны коллег и благодарных пациентов позволили ему излагать такую картину психического мира человека, какую в то время не мог себе позволить ни один научно ориентированный психолог.

Не будем анализировать здесь природу власти сообщества врачей, поддержавшего идеи З. Фрейда и имевшего

силы противостоять и научной, и религиозной критике его идей. Вспомним лишь, что XIX столетие в Европе характеризовалось нарастанием кризиса и традиционной религии, и научной психологии. Обращение в трудные минуты жизни к научной психологии, объяснявшей психику устройством мозга и рефлексами, не приносило людям ни помощи, ни облегчения. На грани XIX—XX вв. более частым становилось обращение не к психологам, и не к священникам, а к врачам-психиатрам. Врачам приходилось создавать собственные психологические концепции, невзирая на критику со стороны и религии, и науки, контролировавших право излагать те или иные психологические теории.

Другую опору для построения генетической психологии нашел Ж. Пиаже. Его теории были подготовлены предшествующей борьбой биологии за право строить нерелигиозные представления о развитии природы. Именно биология стала опорой психологии Ж. Пиаже. «Всякое психологическое объяснение рано или поздно завершается тем, что опирается на биологию или логику» [7, с. 61], — так начинается он одну из своих основных работ. В основу объяснения механизмов развития психических процессов Ж. Пиаже кладет биологические представления об ассимиляции и аккомодации, о стремлении живых систем к равновесию.

Но еще более активно, чем биология, в сферу представлений о развитии мира в XIX в. внедрилась немецкая классическая философия. Не только развитие человека стало в ней предметом внерелигиозного толкования, но и развитие всего мира в целом. Концепции немецкой философии стали основанием представлений о детерминации человеческой психики для Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и других советских

психологов. Не случайно свои основные идеи им приходилось соотносить с «основополагающими» идеями К. Маркса и В.И. Ленина. Но возможность анализировать различные подходы, соотнося свои взгляды с положениями ассоциативно-рефлекторной психологии, с идеями Ж. Пиаже, З. Фрейда, а главное, с фактами наблюдений и экспериментов, позволила советским психологам развернуть оригинальные представления о законах развития психики и о логике ее детерминации.

Пересматривая сегодня основные положения марксизма, мы не можем отвернуться от развернувшихся на базе этих положений теорий отечественной психологии. Следует оценить богатство и неординарность психологических концепций XX в., раскрывших ряд важных зависимостей и принципов формирования личности и психики человека.

Вопрос о происхождении психики и субъектности человека — это вопрос, общий для психологии и религиозных концепций. Одним из ключевых вопросов в организации психики стоит вопрос о субъектной основе этой организации. Анализ психологических концепций XX в., претендовавших на раскрытие логики формирования личности человека, показывает, что в них явно или неявно присутствует образ субъектной силы, принимающей на себя ответственность за организацию и деятельности, и личности человека. Но степень представленности этой силы в разных концепциях различна.

В теории З. Фрейда при развитии личности сталкиваются между собой биологические потребности ребенка и силы родительского противостояния этим потребностям. Изначальный источник сил и потребностей, в борьбе которых разворачивается структура личности ребенка, в концепции З. Фрейда

не рассматривается. Это позволяет соотносить теорию З. Фрейда с любыми представлениями о высших детерминирующих инстанциях, формирующих как потребности ребенка, так и логику родительского противостояния им. Существенные различия с религиозными концепциями обнаруживаются у З. Фрейда в технологии взаимодействия индивида с детерминирующими психику инстанциями. Вместо молитв или подстраивания активности личности под детерминирующие ее силы З. Фрейд предлагает процедуру глубокого внедрения сознания человека в логику организации бессознательного.

К.Г. Юнг расширяет круг представлений о детерминирующих личность инстанциях, выдвигая в качестве детерминирующей человека инстанции «коллективное бессознательное». Это более тесно приближает концепцию К.Г. Юнга к религиозно-философским представлениям о душе. И отношение Юнга к коллективному бессознательному более уважительное, чем у З. Фрейда к его индивидуально бессознательному. К.Г. Юнг ориентирует личность на принятие ею информации, получаемой от коллективного бессознательного, как значимой, приходящей из опыта всего человечества.

В теории Ж. Пиаже формирование психических структур идет как будто стихийно, без участия внешнего субъекта, организующего эти структуры по какой-либо заданной логике. Но такое впечатление складывается лишь в том случае, если мы не обратим внимания на присутствие у Ж. Пиаже на всех стадиях формирования психики загадочного процесса «координации». На всех этапах формирования мышления происходит координация ощущений ребенка с его движениями и координация возникающих действий с другими действиями. Благодаря процес-

сам координации формируются логически организованные психические структуры. Координация представляет собой «умную» процедуру, обеспечивающую логику формирования мыслительных структур. За координацией Ж. Пиаже скрыты субъектные функции создателя мыслительных процессов человека. Причем природа координации, создающей логическую организацию психики, не понятна и самому Ж. Пиаже. Вопрос о природе координации он пытается переадресовать физике и химии¹.

По-своему источник, детерминирующий развитие психики и личности человека, представлен и в концепциях Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Таким источником развития психики выступает у них социальная система. У Л.С. Выготского акцент сделан на «социальных ситуациях развития», в которых складываются «интерпсихические категории» — взаимодействия между людьми, в логике которых организуются будущие психические процессы. Далее происходит интериоризация — переход от внешних «интерпсихических категорий» к «интрапсихическим категориям», т.е. к внутренним психическим процессам, функционирующим в форме мышления, памяти, воображения и проч.

А.Н. Леонтьев полагал базисом формирования психики социально организованную деятельность. При этом он делал акцент не на «интерпсихическом» взаимодействии людей, а на «предметной основе» деятельности. «Основной, или, как иногда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности, — писал

¹ «Общие координации действия в конечном итоге связаны с нервными координациями... — пишет Ж. Пиаже. — Нервные координации сами зависят от органических координаций в целом, которые по своей природе являются физико-химическими» [6, с. 51].

он, — является ее предметность... Выражение “беспредметная деятельность” лишено всякого смысла... Уже в самом зарождении деятельности и психического отражения обнаруживается их предметная природа» [5, с. 67].

Соотношение *предметности* и *субъектности* (как в теориях детерминации психики, так и в восприятии мира в качестве субъектного или объектного) — это чрезвычайно важная проблема. Здесь можно видеть либо противостояние психологических теорий религиозным представлениям о мире, либо их совпадение. Теории психологии, стремившиеся представить логику развития человека, подчеркивали либо предметность, либо субъектность мира и либо предметные, либо субъектные основы детерминации психики.

Рассматривая разные теории психологии, мы можем выделить психологические основания стремления авторов делать упор на одну из этих характеристик детерминирующего людей мира. Анализ показывает не только неслучайность ориентации психолога на субъектность либо предметность, но и связь этой ориентации с другими характеристиками психологических концепций. Для понимания причин ориентации А.Н. Леонтьева и многих других психологов на предметную характеристику деятельности как системы, детерминирующей психику, следует увидеть корни этой ориентации в историческом стремлении человека к роли автономного и самоуправляемого субъекта.

2. Субъектность и детерминированность человека в ранних психологических концепциях. Конфликт с реальностью как условие построения психологических концепций

Содержание психологических концепций не всегда было направлено на

познание природы души и психики человека. Познанию обычно открываются внешние объекты и события, отражаемые в образах восприятия. Но ни душа, как детерминирующая человека реальность, ни психика, как внутренняя активность субъекта, не выступают наблюдаемыми объектами. Ни увидеть душу и психику с помощью восприятия, ни отделить их от себя и описать в форме объектов обычно не удавалось. Психологические представления строились поэтому как бы методом фантастического конструирования: определенные фантазии и представления о душе помогали их авторам, а затем, по мере влияния на окружающих, приобретали мировое признание.

Можно заметить, что одной из основных проблем, разворачивающихся в истории психологии, является проблема *субъектности человека*, проблема возможностей человека управлять логикой своей судьбы, возможностей взаимодействия с силами внешнего мира. В напряженности решения этой проблемы выстраивались основные концепции психологии и философии. «Тварь ли я дрожащая или *право* имею» — эти слова героя Ф.М. Достоевского выражают стержень мотивации, вокруг которой строились представления о логике детерминации человека. Желает ли человек видеть над собой силу и логику детерминирующего его мирового субъекта или же он сам стремится стать субъектом, способным управлять и своей жизнью, и событиями жизни окружающих людей?

Предметная или субъектная представленность природы в психологических концепциях выражает разную степень амбиций человека относительно его власти над природой. По ходу исторического наращивания собственной субъектности люди все более стремились перейти

от восприятия внешнего мира как субъекта к объектному его восприятию.

Не *предмет* психологии, то зыбко представляемый, то ускользающий от воображения психологов, а *функция стабилизации и гармонизации душевных состояний* была причиной возникновения и существования психологии. Мотивом психологических теорий было рассогласование схем жизни и деятельности с логикой детерминации жизни. В концепциях неявно присутствовала технология взаимодействия человека с детерминирующей его реальностью. Функция восстановления душевной стабильности могла не осознаваться людьми и не формулировалась. Но психологические концепции несли в себе психотерапевтический посыл. Именно способность психологической концепции уравновесить душевные волнения определяла, какие представления о психике или о душе окажутся более приемлемыми и популярными, а какие не получают признания.

Важным условием развития психологических концепций является то, что они разворачиваются в периоды социальных кризисов. В стабильные периоды общественного развития психология не возникает или угасает как особая форма мышления. Психический мир, организованный уравновешенно, не привлекает к себе особого внимания, не требует активных психологических размышлений. И лишь в кризисные периоды, теряя устойчивость верований и идеологий, ощущая срывы и переживания, люди включаются в духовные процессы, направленные на понимание природы и логики психической реальности.

В этом восстановлении гармонии активности проявляется общая функция психических образов и процессов. «Психологическая ориентировка начинает действовать в тех ситуациях, — писал

П.Я. Гальперин, — когда нет готового механизма для успешного решения их задач» [2, с. 131]. Для построения новых схем действий и деятельности субъекты создают из потоков внешних воздействий психические образы, строят образы объектов и ситуаций, учет которых необходим для выстраивания активности. В тех же случаях, когда сложившиеся схемы деятельности функционируют хорошо, психическая активность начинает свертываться.

Условием создания психологических концепций был *конфликт* их авторов с детерминирующей реальностью мира. Чем гармоничнее были отношения человека и мира, тем менее требовались ему психологические концепции. И наоборот, чем острее был конфликт личности с реальностью, тем более продуктивные концепции приходилось создавать. Прежде всего, конфликт проявлялся *в признании или непризнании за окружающей реальностью ее субъектных функций относительно организации жизни людей.*

Наиболее мирные отношения с детерминирующей реальностью выражались в образах, представлявших окружающий мир в качестве субъекта, порождающего человека и определяющего логику его жизни. Психологические концепции, представляющие природу в качестве детерминирующего субъекта, мы находим, прежде всего, в ранних мифологиях народов: в древнеиндийских ведических текстах, в языческих мифах и образах, а сегодня — у народов, сохраняющих наиболее древние формы отношения с природой.

Тысячелетиями люди не сомневались в факте своей *сформированности и детерминированности.* Правильность жизни определялась гармоничными отношениями сознания и поступков людей с логикой детерминирующей их природы. Субъектность природы выражалась в ее

одухотворенности. Субъектность же человека понималась как часть мировой субъектности. *Одухотворенность личности была как бы делегирована человеку на время его жизни, была локализацией части мировой субъектности.* В случае возникновения жизненных проблем человек стремился понять причины своего конфликта с миром и *восстановить психологическую гармонию путем встраивания своей активности в логику мирового процесса.*

Древними индусами логика природы представлялась в законах кармы, а греками – в Логосе мира. Индусы представляли субъектность природы как активность мирового Атмана. Весь мир был пронизан одухотворяющим Атманом. Атман придавал жизненную энергию растениям, проявлялся в энергии Солнца, в движении ветра, в течении рек, в активности людей и животных. Субъектность человека тоже была проявлением в нем энергии Атмана. Боги морей и лесов, боги неба и подземного мира – все они отражали образ одухотворенной природы, имевшей не менее выраженные субъектные черты, чем сам человек. Такое же мироощущение было характерно в древности и для народов России.

Мощный взлет психологической активности наступил в VI в. до н.э. Он был связан с возникновением острого кризиса отношений человека с детерминирующей его природой. Отношения с природой усложнялись по мере усиления энергии самого человека, по мере его размножения и распространения в отдельных биосферных регионах. При заселении регионов возникали войны за территории. Истощение биосферных ресурсов, голод и болезни создавали не слишком благоприятный образ детерминирующего субъекта. Защита жизни требовала наращивания агрессивности.

Более значимую роль в организации деятельности стали играть не жрецы, брахманы и волхвы, а военные организации. В новом восприятии мира не только враждебные племена принижались в их духовности, но и сама детерминирующая людей природа.

Наращивание субъектности человека шло через противопоставление его субъектности и субъектности окружающего мира. Конфликт с реальностью побуждал теоретиков к лишению окружающего мира его субъектных качеств. В напряженных отношениях с миром формировались два типа психологических концепций. Либо субъектность окружающего мира отрицалась полностью, либо она отрицалась только в ближайшем, наблюдаемом мире, но выносилась в иной мир, не доступный восприятию людей.

В наиболее конфликтных и болезненных взаимоотношениях человека с миром мы можем увидеть вообще *сомнение в реальности этого мира или даже полное отрицание его реальности.* Теоретическое сомнение в реальности мира проявляется в концепциях Будды (Гаутамы), Р. Декарта и др. У индийских джайнов, опыт которых вначале пытался перенять Будда, противостояние миру проявлялось в аскетизме и отрицании физиологической зависимости человека от природы. Для самого Будды противостояние миру виделось в уходе в нирвану. Гаутама создает одну из наиболее жестких технологий в отношениях человека с миром. Он отрицает реальность мира, видя в образах лишь конструкции сознания людей, а в объектах – лишь вечно уходящее, а потому не достойное сопереживания и реального участия буддиста. Мир – это вечное движение дхарм, мгновенных квантов энергии, лежащих в основе всего. Все видимое исчезает

слишком быстро. Вечны лишь страдание и потеря. Нирвана (буквально «угасание огня» или «прекращение дуновения») — это преодоление зависимости человека от той видимости мира, в которую люди верят, обрекая себя на страдания.

В йоге нирваны нетрудно видеть технологию достижения покоя путем устранения психологических связей с видимым окружающим миром. Здесь личность как бы сжимается в себе, уходит в себя и угасает там навеки. Мать Сиддхарты Гаутама умерла через несколько дней после его рождения. Очевидно, у ребенка, жившего в мире, лишенном матери, довольно рано сложилась бессознательная технология решения трудных проблем и преодоления конфликтов путем аутичного сжатия в себя, путем ухода от реальности, для изменения которой маленький Сиддхарта не имел сил. Аутизм буддизма — это прекращение психической связи с травмирующими ситуациями.

Иной вариант отрицания субъектности детерминирующего мира состоял в том, что субъектные способности выносились из наблюдаемой природы в какую-либо иную реальность. Такое решение проблемы можно видеть в концепции Платона, в иудаизме, в христианстве и многих других религиях. В этих концепциях представлена дуалистическая картина бытия, мир разделяется на видимый и невидимый. *Субъектные способности или детерминирующие функции изымаются из непосредственно наблюдаемой реальности и переносятся на образы иных, невидимых миров.*

Гераклит и Платон — представители греческой аристократии, терявшей в реальности наступавшей демократии свои прежние привилегии. Гераклит отрицает низменный земной мир, призывая со-

хранять стремление к небесному миру — космическому огню. Лишь огонь вечен, а миры земные периодически возникают и затем сгорают в этом огне. Платон одним из первых поднимает важнейшую проблему — детерминации форм вещей. Все течет в материальном мире, но откуда вещи получают свои формы? Что делает березу березой, а человека — человеком? Душа и есть то, что придает каждому существу его форму. Платон видит в земном материальном мире лишь временное воплощение вечных форм, надежно пребывающих в занебесном мире идей. Стремление человеческих душ к этому идеальному миру дает им основы разумности, а привязанность людей к земному миру рождает страсти, с которыми необходимо бороться.

Гаутама не видел в окружающем мире никакой надежной опоры для человека и представил этот мир как мираж. В иных концепциях, отразивших конфликт человека с миром, все же сохраняется признание этого мира, но именно как *предметного мира*, т.е. мира, лишенного всяких признаков субъектности. В материалистических и атеистических концепциях внешний мир представлялся лишь как мир материальных объектов и предметов. При этом авторы таких концепций старались либо избегать вопросов о формировании человека, либо пытались все объяснить движением вещества, лишенного качеств субъектности.

У Платона и Гераклита все же сохранялись воспоминания об ушедшем идеальном мире, который был выше окружающей реальности демоса. Платоновский мир идей, издаലെка управляющий земным миром, — это ушедший в прошлое родовой мир аристократии. Предки Платона — аристократы, неоднократно пытавшиеся совершать олигархические

перевороты в реалиях наступавшей демократии. Свое презрение к реальности и психологическое бегство в породивший всех, но ушедший далеко за звезды родовой мир Платон и отразил в своей концепции о двух мирах.

Иной тип усиления субъектности личности выражает Демокрит. Этот философ не был защищен от мира аристократическими предками, но он не был лишен и энергии активного противостояния миру. Получив после смерти отца некую сумму денег, Демокрит растратил ее на путешествия и обучение. Опыт его жизни – это его личное восхождение вверх. У Демокрита тоже присутствует конфликт с окружающим миром. Он тоже девальвирует природу, лишая ее субъектности. Прорываясь в реалиях мира «через тернии к звездам», Демокрит применил технологию не убегающего из этого мира, а его разрушения на мелкие порции, вполне доступные для их покорения человеком. Весь мир для него – это поток атомов, мелких подвижных частичек. Эти мелкие основания вещей в чем-то напоминают дхармы Гаутамы. Но дхармы не живут дольше долей микросекунд, они почти нереальны. Атомы же Демокрита – твердые и вечно живущие, это ничтожные, но надежные представители «мирового демоса». Демокрит поднимал человека над миром тем, что опускал саму основу мира до образа мелких атомов.

Здесь мы можем выделить важный момент, характеризующий взаимоотношения человека с детерминирующим его миром. Насколько автор склонен принимать мир как *единое целое* в его необъятности и безграничности, в его недоступности замыслам и амбициям личности. Или же человек настолько стремится возвыситься над миром, что склонен видеть в окружающем мире,

прежде всего, *локальные объекты* или отдельные элементы, доступные покоряющей их личности. Локализация объектов является ключевым моментом, характеризующим формирование и природы, и субъектности человека.

3. Локализация как условие формирования жизни и субъектности людей

Жизнь – это форма движения пространственно локализованных геохимических процессов. Движение растений и животных является частью единого биосферного процесса. Эволюция биосферы ведет к концентрации в организмах некоторой части дефицитных биохимических процессов природы. Всякий организм поглощает и ассимилирует какую-то часть природы. Но функции организмов и направленность их процессов рождаются в глобальных напряжениях биосферы. Организмы представляют собой компоненты биосферы, продукт локализации в сжатом объеме тел сложной логики космо-биосферных физико-химических напряжений и взаимодействий (см. [9, гл. «Жизнь как функциональная система»]).

Субъектность природы проявляется не в отдельных объектах, наглядно отражаемых с помощью восприятия. Субъектность природы проявляется в детерминирующих жизнь нелокальных процессах и напряжениях космоса и биосферы. *Субъектность мира реализуется в порождающих жизнь нелокальных связях и напряжениях, в глобальных структурных взаимодействиях планеты и космоса.* В глобальных детерминирующих системах возникают биохимические и космоэнергетические напряжения, создающие энергию биологических процессов и задающие их направленность. Эти детерминирующие жизнь связи и напряжения постоянно побуждают и обеспечивают

процессы организмов и не требуют по отношению к себе частой перестройки действий.

Наиболее дефицитные компоненты локализуются в животных и растениях, становятся предметом борьбы за них, превращаются в объекты покорения. Не случайно именно локальные объекты и явления отражаются в содержании психических образов. Субъектность человека проявляется в организации действий с плотными локальными объектами. И психическая ориентировка животных тоже формируется по отношению к локальным образованиям. А детерминирующие жизнь нелокализованные процессы природы обычно не требуют психического отражения, это воздух, свет и другие необходимые для жизни энергохимические потоки. В отношении рассеянных, нелокальных, глобальных процессов и взаимодействий любой организм остается не субъектом, а продуктом или объектом управления со стороны этих формирующих его потоков.

При возникновении психики животные начинают сами перестраивать некоторые действия, изменяют их в соответствии с изменениями ситуаций, подстраивая их к обстановке. До появления психики, выстраивание активности организмов происходит в ходе естественного отбора: построение активности обеспечивается путем мутаций и гибели неадекватных организмов. *Субъектами ориентировки и перестройки реакций организмов в изменяющихся ситуациях вначале выступают целостные биологические виды.* В ходе своего движения в биосфере биовиды опробуют ситуации путем выброса разнообразных генетических программ, дающих начало развитию разных форм организмов.

При появлении психики субъектные функции изменения схем активности и

процессы отбора адекватных реакций локализуются в организмах. Перебор новых вариантов активности протекает уже не в виде мутаций и гибели целых организмов, а происходит как частичная самоперестройка организмов.

В этих процессах есть две разные субъектные функции, прежде распределенные между биовидами и биосферой. Функция *перебора* разных вариантов схем переходит к организмам от биовидов. Но организмы локализуют в себе и другую субъектную функцию — *отбора* правильных схем. Эту функцию выполняли не биовиды, а ситуации. Ситуации, отбирающие соответствующую им активность, локализуются в организмах в виде образов этих ситуаций.

П.Я. Гальперин характеризует психический образ как «запасное поле действия», замещающее реальные ситуации. В поле образов происходит ориентировка действий организма, идет подстраивание активности организмов под изменяющиеся условия среды [2]. Воспроизводя биосферные ситуации в образах, организмы локализуют в себе их субъектные функции, интериоризируют субъектность детерминирующих ситуаций. Но в психических образах биосфера отражается не в виде *субъекта*, управляющего жизнедеятельностью организма, а в виде отдельных *объектов*, в виде поля локальных предметов, противостоящих организмам как внешняя обстановка. Ситуации, представленные в образах, уже не выглядят управляющими субъектами. Субъектная структура и биосферы, и природы не отображается в перцептивных образах.

В стремлении утвердить свою субъектность люди все активнее стремились локализовать реальность окружающего их мира. И даже в тех концепциях, где мир не лишился полностью своих

субъектных качеств, а лишь раздваивался на мир управляющий и мир управляемый, можно видеть бессознательное стремление локализовать субъектность по-стороннего мира в доступные людям образы. Так произошел переход от платонизма, представлявшего абстрактный идеальный мир, к христианству, локализовавшему детерминирующий мир в образы, близкие самому человеку. В подобии Бога человеку проявилось стремление людей придать детерминирующему субъекту черты, делающие его близким для представления и для воздействия на него. Признавая над собой роль детерминирующего субъекта, люди стремились утвердить и собственную субъектность в возможности видеть Создателя подобным себе и даже управлять им через молитвы, ритуалы и религиозные действия. В этом проявился высокий уровень субъектных амбиций людей.

4. Проблема детерминированности человека в условиях воинствующего материализма

Кризис христианства в Западной Европе привел к снижению надежд и на церковь, и на помощь Бога. Н. Кузанский в XV в. и Ж. Кальвин в XVI в. уводят образ Бога за пределы его доступности молитвам и пожеланиям людей. Бог стал представляться как создатель или первоисточник мира, не вмешивающийся в жизнь отдельных людей². Потеря надежд личности на

поддержку со стороны Бога в XVII–XIX вв. компенсировалась особенно резким нарастанием субъектных амбиций самих людей. «Никто не даст нам избавленья: ни Бог, ни царь и ни герой. Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». Европу охватывают мечты о социальном прогрессе, направляемом волей и разумом людей.

Стремясь утвердить неограниченную субъектность людей над миром, многие европейцы уже не хотели признавать над собой никакого детерминирующего субъекта, даже отдаленного. Безудержное стремление к свободе требовало освобождения личности от всякой зависимости. Религией бунтующего сознания стали материализм и атеизм. Утверждающий свою творческую волю человек не был склонен размышлять об источниках и детерминантах своего развития. Поэтому в психологии XVII–XIX вв. произошел отказ от проблем развития личности и утвердился механистический ассоцианизм. Психологи отказались от анализа проблем души, происхождения и детерминации психики, стали объяснять психические процессы лишь устройством мозга. Причем вопрос о происхождении и детерминации самого мозга тоже не ставился.

Возрождавшаяся в XX в. психология развития оказалась между двух огней. С одной стороны, религия утверждала сверхъестественную природу души, что исключало возможность естественно-научного исследования и толкования источников субъектности человека. Психология как бы не имела оснований исследовать естественные природно-социальные источники духовности человека, не могла изучать истоки происхождения субъектности людей методами научного наблюдения и рационального анализа детерминирующих

² Николай Кузанский писал: «Но когда я вижу Тебя, Бога моего, в Твоем раю, опоясанном стеной совпадения противоположностей, то понимаю, что Ты и не развертываешь, и не свертываешь, ни делаешь либо одно, либо другое, ни делаешь то и другое вместе. И раздельное, и соединительное [суждение о Тебе — это всего лишь] стена совпадения [противоположностей], а Ты высишься за ней, абсолютно отрешенный от всего, что можно сказать или помыслить» [4, с. 58].

человека источников. С другой стороны, материализм тоже не позволял психологии видеть в окружающем мире какие-либо субъектные характеристики, исключал возможность выведения сознания человека из субъектных качеств природы. Материализм, как и христианство, тоже не хотел признавать в природе наличия ее субъектных качеств.

Если иудаизм, христианство и ислам не отрицают наличия в мире внешнего источника субъектности людей и лишь уводят этот источник за пределы доступности познанию человека, то материализм вообще отрицает возможность интериоризации человеком его субъектных способностей откуда-либо извне. Человек-субъект выглядит пришельцем в природе, лишенную собственной субъектности.

Удивительно сходство этих позиций. Ни религия, ни материализм не признают возможности получения человеком субъектности из природного окружения. И религия, и материализм рассматривают человека как субъекта, возникшего среди природы, лишенной субъектных способностей. Это позволяет людям относиться к природному миру как к покоряемому объекту. И религия, и материализм поддерживают в человеке чувство превосходства над природой, позволяя проявлять к ней высокую степень агрессии и творческих амбиций.

Но психология развития рассматривает человека прежде всего как продукт неких сил и процессов. А может ли психология позволить себе научно изучать эти творящие людей программы и исследовать процессы интериоризации качеств субъектности из окружающих систем и процессов?

Стоит оценить сложную позицию советских психологов, взявшихся за проблемы психического развития. С одной

стороны, время настоятельно требовало исследования генезиса психики и личности. Гегель уже показал, что теоретические понятия должны отражать сущность явлений, раскрывая их происхождение. З. Фрейд и Ж. Пиаже уже начали применять генетическую логику объяснения человека в психологии. Но Россия в начале XX в. была страной лишь недавно разбуженных субъектных амбиций. Это Западная Европа уже устала от революций и надежд на светлое будущее. Там люди обращались к психиатрам и согласны были смириться с ролью не столько субъектов, сколько жертв детерминирующих их процессов. В СССР же утверждался воинствующий материализм. Люди стремились ощущать себя творцами мира. Советским психологам, взявшимся за объяснение детерминации психики, приходилось создавать двусмысленные концепции, с одной стороны, представлявшие человека продуктом неких сил, а с другой стороны, отрицать в этих силах любые черты их субъектности. Как гоголевская унтер-офицерская вдова, человек должен был сам себя высекать из реальности, лишенной признаков субъектности. Рассуждения о душе, детерминирующей человека, были категорически недопустимы.

Философы, видевшие в мировой реальности не объекты, а целостного детерминирующего субъекта, приходили к выводу о необходимости выстраивания деятельности человека по логике этого субъекта. При этом амбиции самого человека на перестройку мира выглядели сомнительными. Любимый Л.С. Выготским Б. Спиноза видел в окружающей природе не мертвую материю, а реального Бога, детерминирующего человека. И этот Бог не был произвольным. «Поэтому, так как мы доказали, — писал Спиноза, — что воля не есть вещь в природе, но

лишь фикция, то я думаю, что нечего и спрашивать, свободна она или нет... Мы видим, таким образом, что человек как часть целой природы, от которой он зависит и которую он также управляется, сам по себе ничего не может делать для своего спасения и счастья... Сначала отсюда следует, что мы действительно слуги, даже рабы Бога, и что наше высшее совершенство состоит в том, чтобы необходимо быть ими» [8, с. 80, 83–84].

Ближайшим предшественником культурно-исторической концепции Л.С. Выготского был Гегель. В роли субъекта-детерминатора развития мира у Гегеля выступал дух. «Как *субстанция* и всеобщая, себе самой равная постоянная сущность, дух есть неизменная и незыблемая *основа* и *исходный пункт* действующая всех и их *конечная цель*... Дух, таким образом, есть сама себя поддерживающая абсолютная реальная сущность» [3, с. 234]. Как абсолютный субъект мира дух разворачивается в социальном процессе, история которого воплощается в культуре. Как объективный дух социум детерминирует развитие сознания индивида. Каждый индивид проходит в своем личном развитии стадии движения этого духа: «Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени, уже оставленные духом, как этапы пути, уже разработанного и выравненного... Это прошлое наличное бытие — уже приобретенное достояние того всеобщего духа, который составляет субстанцию индивида и, таким образом являясь ему внешне, — его неорганическую природу» [3, с. 15]. Субъектность как бы делегируется человеку от более высоких уровней духа. Поэтому Гегель тоже определяет свободу личности как разумное следование логике мирового духа. Такие выводы Спинозы и Гегеля могли бы устроить людей прошлых эпох или хотя бы индусов, продолжающих относиться к

миру как к живому субъекту и не претендующих на его преобразование. Но для революционного сознания творцов нового мира подобные «примиренческие идеи» были не приемлемы.

Люди, будучи неспособны охватить своим восприятием организацию целостного мира, с трудом представляют логику нелокальных напряжений и противоречий социума, биосферы и космоса, определяющих развитие человека. При ограниченных возможностях человеческого восприятия наглядность достигается локализацией событий и их причин. Поэтому люди стараются локализовать причины процессов и событий, стремятся видеть источники своих поступков в отдельных фактах и событиях. Л.С. Выготский старается наглядно конкретизировать гегелевскую идею о культурно-исторической природе человека через локальные и понятные образы. Социум, который у Гегеля явно разворачивается как форма *единого* духа, у Л.С. Выготского не является каким-либо целостным субъектом. Субъектами-организаторами развития ребенка выступают у него взрослые, как носители культуры. Субъектность передается от человека человеку. Но критики того времени уже улавливали в учении Л.С. Выготского опасность принижения им возможностей учителей в произвольном и свободном конструировании психики детей: «Оказывается, Л.С. Выготский “отрицает влияние обучения на развитие”, считает что “оно не вносит изменений в развитие ребенка”... “С точки зрения этой лжетеории Выготского школа и учитель совершенно беспомощны изменить развитие ребенка”»³.

³ Эти критические оценки Л.С. Выготскому были даны в книге Е.И. Рудневой «Педагогические извращения Выготского» (М., 1937). Цит. по [1, с. 339–340].

Конечно, сам Л.С. Выготский не смог бы согласиться с такой критикой в свой адрес, ведь он и сам был среди этих творцов, он отдавал свои силы воплощению мечты о сознательном конструировании нового мира. Л.С. Выготский не случайно энергично спорит с выводом Ж. Пиаже о том, что обучение не является главной силой в развитии ребенка, не ведет за собой развитие психики, а лишь подстраивается под это развитие, детерминируемое самоорганизацией и координацией действий и умственных операций. Если бы Л.С. Выготский признал правоту Ж. Пиаже, он зачеркнул бы этим и руководящую роль партии, и мечту строителей коммунизма о творении ими нового мира, да и вообще амбиции современников на роль субъектов истории. Но все же «интерпсихические категории» Выготского не были вполне наглядными и доступными восприятию людей. Взаимоотношения между людьми было трудно ощутить как плотные физические объекты. В представлении об интериоризации как переходе от «интерпсихических категорий» в «интрапсихические» Л.С. Выготский был слишком близок к идеям Гегеля.

При необходимости объяснить логику внешней детерминации человека в русле материалистической психологии важную роль стало играть представление о *предметной* детерминации деятельности. А.Н. Леонтьев учел критику в адрес Л.С. Выготского и сделал упор на предметную характеристику деятельности, представив деятельность как материальный, а не субъектный источник, детерминирующий психическое развитие.

Позиция психологии развития, выраженная и Л.С. Выготским, и А.Н. Леонтьевым, состоит в неизбежном признании факта детерминированности деятельности и личности. Психолог,

изучающий развитие человека, не может уйти от этого факта. Но детерминированность видится А.Н. Леонтьевым именно в предметном содержании деятельности. В этом случае человек может мыслить себя *единственным* субъектом своей деятельности, не принимая во внимание того, что, если предметы участвуют в нашем формировании, они логически либо выполняют функции субъектов, либо выражают субъектную способность иного детерминатора, определяющего через эти предметы логику нашей жизни и деятельности.

Но признание детерминированности деятельности, как исходящей от детерминирующего субъекта, ставит человека в явную зависимость от этого субъекта. Подчеркивая *предметную* природу деятельности, в логике которой происходит формирование психики и личности, А.Н. Леонтьев стремился этим затушевать субъектные функции социума как творца личности, детерминирующего деятельность, и психику людей. В этом затушевывании субъектного облика общества, выступавшего в роли детерминатора сознания человека, А.Н. Леонтьев повторил прием, ранее уже примененный К. Марксом.

Не случайно, не Гегель, а Маркс стал теоретическим вождем революционеров. Маркс строил свою концепцию детерминации сознания, опираясь на идеи Гегеля. Но глубокая зависимость человека от субъектности мирового духа не устраивала ни К. Маркса, ни его революционных последователей. Поэтому К. Маркс устранил в своей концепции абсолютный дух, а социальную детерминацию человека свел к материально-предметной основе деятельности, которую он увидел в орудиях производства. В отличие от невидимого духа, орудия производства были вполне доступны для

людей. Люди способны овладеть орудиями и таким образом получают возможность организовать собственное управление и социумом, и другими индивидами, формирующимися в этом социуме.

Признание внешней детерминированности, но сведение этой детерминированности к «предметной основе» деятельности создает некую двойственную позицию. В деятельности как бы признается ее внешняя детерминация, т.е. деятельность определяется в своей структуре не самим человеком. Но детерминируется деятельность не внешним субъектом, а определяется ее «предметным содержанием». А предметное содержание не пугает теоретика своей субъектной загадочностью, поскольку предметность отражается в образах, может быть учтена и переиграна в ходе психологической ориентировки. Предметы подчинены человеку, локализованы как компоненты образов. А образы — это продукт ориентировочной активности самих людей.

В концепции А.Н. Леонтьева люди были как бы избавлены от детерминированности внешними субъектными силами. Деятельность побуждается мотивом, а мотив, согласно А.Н. Леонтьеву, определяется как «предмет потребности». Как носитель своих потребностей человек как бы сам задает векторы своих мотивов и этим детерминирует деятельность, которая детерминирует развитие личности. Так замыкалось теоретическое кольцо самодетерминации человека. Источник возникновения в человеке его субъектности А.Н. Леонтьевым не объяснялся и выводился за рамки осмысления. Не случайно логика формирования мотивов, потребностей и вообще источников субъектной активности человека оставалась вне его исследований.

Опираясь на результаты данных о развитии психики, а также на идеи А.Н. Леонтьева о ведущей роли деятельности в этом развитии, Д.Б. Эльконин разработал концепцию периодизации возрастного развития. Интересно, что у Д.Б. Эльконина ориентация детей на предметное содержание деятельности начинается лишь во второй период каждой эпохи онтогенеза. Первые же (нечетные) этапы онтогенеза всегда разворачиваются как этапы *общения* ребенка [10]. То есть субъектность человека начинает формироваться не через его взаимодействие с предметами, а путем его включения в пространство общения.

Приспосабливаясь к требованиям воинствующего материализма, советские психологи вынуждены были сводить детерминацию формирования личности к предметной основе деятельности. В концепциях интериоризации психики, интериоризация толковалась не как присвоение человеком его субъектности, его мотивов и функций, а лишь как присвоение способов, средств и схем действий. Интериоризации подлежали лишь эти компоненты психических процессов, но не сама субъектность, которая оставалась имманентным, изначально внутренним свойством человека.

Психология развития самим фактом своего существования поставлена перед необходимостью изучать логику формирования психики и личности. Поэтому психология не может отказаться от исследования природы субъектности человека. Развитие человека как субъекта взаимодействия с миром вряд ли будет продуктивно, если мы по-прежнему будем идти путем наращивания своих субъектных амбиций, сопровождая это отрицанием факта субъектности окружающего нас мира.

Хотя субъектность общества и природы проявляется на уровне не локальных объектов, а сложных социальных и биосферных образований, детерминирующих активность людей, это еще не говорит о невозможности изучения субъектных функций таких образований. И положения Л.С. Выготского об «интерпсихических категориях», и представления З. Фрейда о психических напряжениях между детьми и родителями, определяющих развитие личности, позволяющих изучать взаимодействия и напряжения социума, порождающие и мотивирующие личность. Ключевой проблемой психологии становится изучение процессов интериоризации субъектности путем локализации человеком субъектных функций, изначально принадлежащих не индивиду, а не локальным образованиям.

Наиболее близкой человеку детерминирующей системой выступает семья. Исследование психологической структуры семьи не как отдельных личностей, воспитывающих ребенка, а как целостной системы родовых напряжений, передаваемых ребенку, — это путь конкретного исследования источника мотивов и субъектности ребенка. Личность формируется в ходе интериоризации ею субъектных функций из детерминирующих напряжений и семьи и локализованных в структуре семьи более глобальных социальных систем.

Развитие социальных систем детерминируется их взаимодействием с биосферой. Поэтому нет оснований отказываться и от анализа биосферной детерминации человека, от изучения логики передачи субъектных функций от био-

сферы к социуму, происходившей в истории человечества. Последовательное восхождение анализа детерминации человека от психологической структуры семьи к целостной психологической структуре социума и биосферы позволяет видеть организацию детерминирующего нас субъекта. На современном уровне психологии нет оснований отказываться от исследования субъектных качеств всего мира, обеспечивающего развитие биосферы, и психических структур человека. Стоит ли отрывать субъектность человека от логики функционирования многоуровневого биосоциального субъекта, создающего человека со всем богатством его психологических черт?

Литература

1. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. — М., 1996.
2. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. — М., 2000.
3. *Гегель Г.В. Ф.* Феноменология духа. — СПб, 1999.
4. *Кузанский Н.* Сочинения. Т. 2. — М., 1980.
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 2004.
6. *Пиаже Ж.* Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии. — 1965. — № 6.
7. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. — М., 1969.
8. *Спиноза Б.* Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Б. Спиноза. Избранное. — Минск, 1999.
9. *Шабельников В.К.* Функциональная психология. — М., 2004.
10. *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. — 1971. — № 4.